

ИЗ ПРОШЛОГО НАШЕГО КРАЯ

*

A. K. Фролов

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Много героических дел вписали в историю борцы за Советскую власть на Алтае. Все дальше и дальше в прошлое отходят незабываемые дни, но в памяти они живут неизгладимо, потому что слава народных героев вечна, как великие деяния во имя светлого нашего сегодня.

Задачей этого очерка не является глубокое и многогранное освещение революционных событий на Алтае. Мне, очевидцу, хочется лишь поделиться воспоминаниями о том, как проходила борьба за установление народной власти в селе Стуково, которое тогда входило в состав Черемновской волости, а ныне находится на территории Павловского района Алтайского края.

В феврале 1918 года на Алтае была провозглашена Советская власть. С этого времени в нашем селе, как и по всей губернии, началась борьба за ее становление. Впервые в истории в Стукове был избран сельский Совет. В состав его вошел и Карл Михайлович Давыдов. Об этом замечательном человеке мне хочется рассказать подробнее.

Карл Михайлович был участником русско-японской войны 1904 года. Когда он вернулся в село, его прозвали «молоканом»-бездожником, потому что в церковь он не ходил и отговаривал от этого вредного занятия односельчан. По наущению местных кулаков и попа полиция несколько раз врывалась к Давыдову с обыском — искала нелегальную литературу. Но

обыски проходили безрезультатно: запрещенная литература была хорошо запрятана.

Еще до революции Карл Михайлович вместе с учителями церковно-приходской школы организовал в селе кружок любителей драматического искусства. С приходом Советской власти кружок превратился в культурно-просветительное общество, руководить которым стал Карл Михайлович Давыдов.

Общество состояло в основном из молодежи 16—18 лет. Некоторых его членов, в частности, Александра Татарникова, Иллариона Аверина, Александра Герасимова, Ефросинию Стукову, Клавдию Аверину, Ивана Натарова, Ивана Пяткова и других я хорошо помню. Образование у нас было 3—5 классов, по тому времени мы считались людьми грамотными. Мы ставили спектакли, разъясняли односельчанам все декреты и постановления Советской власти, вели большую работу по ликвидации неграмотности.

Тяга крестьян к знаниям была большая. Очень многие записались в кружки ликвидации неграмотности. Особенно тяготела к культуре молодежь. Комсомольской организации у нас тогда еще не было. И наше общество, руководили которым члены большевистской подпольной организации, занималось коммунистическим воспитанием молодежи. Так прошел февраль, март, апрель и май 1918 года. С приходом к власти контрреволюционного Временного эсеро-меньшевистского правительства, а затем правительства Колчака, культурно-просветительная работа проводилась совершенно по-другому: легально работал драматический кружок, а нелегально велась большевистская агитация.

Мы разъясняли крестьянам, кто такие меньшевики и эсеры и чьи интересы они защищали; рассказывали о порядке землепользования при Советской власти и сравнивали этот порядок с тем, который принес Колчак; вели антирелигиозную пропаганду.

Нашей работой руководили Карл Михайлович Давыдов и Яков Фомин, тесно связанные с Барнаульской подпольной большевистской организацией.

Первое время подпольную агитацию вели пятеро: Карл Михайлович Давыдов, Яков Фомин, Александр Татарников, учительница Данчина и я. Впоследствии группа значительно расширилась. С огромным вниманием слушали крестьяне нашу беседу. За примерами нам далеко ходить было не нужно. Мы говорили о конкретных жизненных вопросах, которые были хорошо известны слушателям. Особенно близок крестьянам был земельный вопрос. Так, Советская власть ознаменовала свое появление национализацией крупных земельных участков и безвозмездной передачей их крестьянам-беднякам. Эсеро-меньшевистское правительство и Колчак вновь забрали землю у крестьян. Крестьяне понимали, что боровшиеся против Советов

правители возрождают дореволюционные порядки, что только восстановление Советской власти может вернуть трудовому народу завоевание Октябрьской революции.

В мае 1919 года Колчак объявил мобилизацию крестьян в свою армию. От нашего села должны были явиться на призывающей пункт около сорока человек, а пришло только пятеро. Остальные вместе с другими стуковскими крестьянами вступили в партизанский отряд. Пошел в партизаны и я. Командиром отряда мы избрали Евсея Скворцова. Первое время наш отряд нападал на мелкие группы колчаковцев и обезоруживал их. Оружия у нас было очень мало. Каждая винтовка, каждый десяток патронов, шашка, наган были для нас дороги.

В начале июля 1919 года для «наведения порядка» в село прибыл большой, хорошо вооруженный карательный отряд. Партизан он, разумеется, не застал — мы были в лесу, а вот над нашими беззащитными семьями каратели стали глумиться. Мы попросили помощи у павловских партизан и отряда из села Черемного. Товарищи прислали нам подкрепление. Во главе объединенного отряда стал командир павловчан Николай Николаевич Голованов. В отряде было около 60 винтовок. Остальные партизаны вооружились берданками, охотничими ружьями и пиками. Мы обложили Стуково с запада, востока и юга. Внутри села все было готово к восстанию.

Силы карательного отряда превосходили партизанские во много раз. Было ясно, что наш успех зависит от внезапности и согласованности действий. Удар из леса и восстание внутри села должны произойти одновременно. Условились, что сигналом к началу атаки будут три удара церковного колокола.

К церкви пробраться было очень опасно. Перед командиром отряда встал вопрос: кому из партизан поручить эту задачу. Выбор пал на Сашу Татарникова и на меня. Саша был на год старше меня (мне тогда еще не исполнилось семнадцати лет). Оба мы хорошо знали все ходы и выходы в церковь. Николай Николаевич Голованов крепко обнял нас, поцеловал и сказал, что оттого, как мы справимся с поручением, во многом зависит исход операции. Чтобы местные кулаки нас не узнали, мы запачкались грязью, нахлобучили на глаза картузы. Переменили свою обычную одежду и вооружились удочками.

У меня был котелок с мелкой рыбой, а Саша несколько рыбок нанизал на нитку. Одним словом, мы имели вид деревенских ребят-рыболовов, шедших с речки Барнаулки. К нашему счастью, двери на колокольню были открыты. Я только успел войти на паперть, как услышались шаги. Долго не раздумывая, я спрятался за лестницу, ведущую на колокольню. Мимо, не заметив меня, прошел церковный староста. Уходя из церкви, он закрыл наружные двери на замок. Я поднялся на колокольню и трижды ударил в самый большой колокол. Партизаны и местные жители, услышав сигнал, двинулись одновременно.

Партизаны с криками «ура!» пошли в атаку, оттесняя беляков к центру села, а крестьяне, вооруженные вилами, топорами, лопатами, уничтожали карателей с тыла. Вскоре отряд колчаковцев был полностью разгромлен.

Командир поблагодарил Сашу и меня за отличное выполнение приказа и наградил каждого боевым оружием — наганом. С этим оружием мы воевали до полного разгрома колчаковской армии. После разгрома карателей в Стуково был создан революционный комитет, который организовал оборону села. Кузнецы ковали пики, шашки и другое оружие. Для большей оперативности руководства село разбили на участки и звенья, во главе которых стояли назначенные ревкомом командиры: Федот Дроздов, Тимофей Букреев, Василий Гребенников, Проктор Татьянин, Сергей Морозов, Сергей Красиков, Григорий Башкескин, Сергей Агафонов, Николай Савин, Евдоким Мастерских, Тихон Рыжанков и другие.

В конце июля колчаковское командование бросило на Стуково большой карательный отряд под командованием Окунева. Каратели имели не меньше десятка станковых пулеметов, а по численности бойцов превосходили партизанский отряд в десять раз. И все же партизаны, большинство из которых было вооружено самодельным оружием, около шести часов сдерживали натиск колчаковцев. Но силы были явно неравные. Партизанам пришлось оставить село и отступить в лес. В этом памятном бою погибли наши товарищи: Григорий Ворнаков, Никифор Хижин, Иосиф Дианов, Иван Ретюнских, Федор Князев, Иван Татарников и другие. Большинство стуковского населения ушло в соседние села: Сарай, Черемново и дальше в степь. В Стуково озверевшие каратели сожгли дома партизан, а имущество их разграбили. Всего каратели сожгли около половины села — более четырехсот домов. Оставшиеся в селе крестьяне были охвачены паникой. На улице стоял многоголосый плач женщин и детей, рев домашних животных. Возле горевших домов метались люди, пытающиеся из огня вынести имущество.

Эвакуировавшиеся крестьяне, кто на лошадях, кто пешком с узлами за спиной двигались по единственному свободному пути, в сторону села Сарай. Вдруг раздался возглас: «Каратели!!!» Это слово моментально облетело повозки. Все глядели назад. Отряд карателей, обогнав обоз, подскакал к мосту и преградил крестьянам путь. Начался обыск. Искали оружие и укрытых в повозках партизан.

Оружия не нашли, партизан не оказалось. Карагели, по указанию кулаков, начали пороть плетьми и издеваться над теми, кто имел близких родственников среди партизан или восставших крестьян.

Двое карателей подъехали к повозке пожилого крестьянина Михаила Белогорохова и потребовали, чтобы он выпряг обеих лошадей. Белогорохов отказался. Карагели пороли старика до

тех пор, пока он не упал, обливаясь кровью. Тогда один из них выхватил шашку и хотел зарубить Белогорохова, но второй удержал его:

— Пусть этот рыжий отдохнет и сам выпряжет нам своих лошадей.

Через несколько минут Белогорохов пришел в себя, хотел что-то сказать, но, увидев жену, которая сидела на повозке и прижимала к себе двух плачущих детей, опустил голову, потом с трудом поднялся, опираясь на оглоблю телеги, стал медленно выпрягать лошадей...

Недалеко от повозки Белогорохова каратели стащили с телеги семидесятилетнего крестьянина Платона Тяпкина, выпороли его до потери сознания, а потом зарубили. И это за то, что он отказался дать им овес.

Сердце крестьянина Гулюшкина при виде этого зверства не выдержало. Он поднялся на повозку и крикнул:

— Товарищи! Берите в руки что попало и бейте гадов карателей.

Каратели подскочили к повозке и стали рубить Гулюшкина шашками, Гулюшкин упал, обливаясь кровью, потом приподнялся и с трудом вымолвил:

— Скорь вам, гадам, придет конец!

Озверевшие каратели пристрелили его из нагана. Так умер безвестный герой.

Трудно рассказать обо всем, что вынесли в этот день крестьяне села Стуково. Невозможно сосчитать всех убитых карателями мужчин и изнасилованных женщин...

К вечеру колчаковцы убрались из села. Ограбленные, измученные крестьяне стали возвращаться к родным пепелищам. Блеяли и жались друг к другу испуганные бездомные овцы, ревели недоенные коровы... Торчали обнаженные трубы русских печей. Валялись неубранные трупы жителей, замученных карателями.

Хотя восстание и было подавлено, оно сыграло очень важную роль в деле расширения народной борьбы с колчаковцами. Оставшиеся в живых стуковские партизаны ушли к Мамонтову, несколько человек, в том числе и я, были оставлены в подполье для осуществления связи между Барнаульской подпольной большевистской организацией и партизанскими отрядами Мамонтова и Гримова. Если можно так выразиться, связь барнаульских подпольщиков и партизан была промежуточной: вначале через Сашу Татарникова сведения из Барнаула доставлялись в Стуково, а оттуда они шли по двум направлениям: через Черемново, Павловск на Камень в отряд Гримова (за этот участок отвечал К. М. Давыдов) и через Панфилово, Шилово, Зимино на Волчиху в отряд Мамонтова (этот участок был поручен мне). Партизанские сведения переправлялись об-

ратным порядком. Как и прежде, подпольную группу на селе возглавляли Карл Михайлович Давыдов и Яков Фомин.

В начале августа 1919 года стуковские подпольщики получили от Барнаульской организации большевиков сообщение о том, что колчаковское командование направляет большие силы карателей для разгрома партизанских отрядов, расположенных в Шилово, Зимино и других близлежащих селах и что первый отряд колчаковцев уже выслан в село Панфилово.

Перед нами встала задача: разведать, какие части колчаковцев находятся в Панфилово, сколько их и когда будет начато наступление. Карл Михайлович поручил разведку мне и Саше Татарникову.

В Панфилово мы должны были разыскать члена подпольной организации Дорохова и через него получить нужные сведения. Однако дело осложнялось тем, что мы не знали, где живет Дорохов. На счастье, оказалось, что в Панфилово живет Сашин тетка. На нее была вся надежда: она-то уж знала нужный нам адрес. Чтобы успешно выполнить задание, мы решили пойти в разведку втроем — третьим был 65-летний стуковский бедняк Прокопий Мальцев, активный участник крестьянского восстания. На его долю выпало изображать нищего слепца. Саша превратился в мальчика-помощника. (Он хотя и был старше меня, но из-за маленького роста казался совсем ребенком). В коротеньких рваных штанах и отцовском затащенном картузе, он ничем не отличался от других мальчуганов-помощников, которых немало было в то время на проселочных дорогах. На мою долю выпало изображать парня, искавшего лошадей. В Панфилово мы должны были прийти все вместе по глухой дорожке, а в Шилово после разведки будем пробираться разными путями.

В Панфилово пришли поздно вечером и, как было условлено, заглянули к тете Саши Татарникова, изба которой стояла на краю села. Она сказала нам, что в село прибыл большой карательный отряд и что завтра после обедни будут мобилизовывать население для восстановления железнодорожного полотна, разрушенного партизанами. От нее мы узнали адрес Дорохова.

Переночевав, утром чуть свет мы стали собираться в путь. Так как я здесь часто бывал и меня многие знали, мы решили, что я буду скрываться в условленном месте в лесу и ждать сигнала Саши, а он с Мальцевым пойдет к Дорохову.

Не один кусок хлеба уже находился в суме Мальцева, когда Саше, наконец, удалось встретиться с Дороховым. Дорохов располагал почти всеми нужными сведениями, за исключением одного: он не знал, когда начнется наступление колчаковцев на Шилово. Условились, что Саша пойдет с Мальцевым в церковь. А Дорохов постарается за это время раздобыть точные данные о наступлении.

В переполненной церкви были не только местные жители, но и колчаковские солдаты и офицеры. Саше и Мальцеву удалось пробраться в гущу колчаковцев. Разведчики ловили каждое слово. Но каратели говорили больше о пустяках. И вдруг, уже к концу обедни, Саша услышал позади себя такой разговор:

— Ну, Владимир Петрович, завтра наступаем?

— Да, — ответил кто-то. — Есть такая команда.

— Давайте попрощаемся, — говорит первый, — а то, может, больше не увидимся.

— Ну, что вы, это под прикрытием бронепоездов-то.

Саша замер, боясь проронить слово, но разговор больше не возобновился.

Саша теперь твердо знал: «Завтра». Теперь следовало как можно скорей выбраться из церкви. Встретившись с Дороховым, разведчики собирались сообщить ему новость. Но подпольщик, оказывается, уже все знал. Первые сказанные им слова были: «Наступать на Шилово будут завтра. Операции пехоты прикрывают бронепоезда».

Итак, сведения совпадали.

В лес, где я их ждал, Саша с Мальцевым принесли не только достоверные сведения о колчаковцах, а и хлеб, который был, как никогда, кстати, так как со вчерашнего вечера никто из нас ничего не ел. Подкрепившись, мы двинулись в путь. Железнодорожный участок Панфилово — Шилово, по которому должны были идти Саша с Мальцевым, патрулировался. Разведчики вскоре были задержаны и возвращены в Панфилово. В ката-лажке их держали двое суток и, за неимением улик в принадлежности к шиловским партизанам, отпустили. Со мной произошло немало приключений. Прошел я километров 12—15 лесом никем не замеченный. Но когда вышел на дорогу Черемное — Шилово, из леса выехали трое всадников, одетых в крестьянские платья. Догнав меня и преградив путь, они спросили, куда я иду. Я им ответил, что ищу утерянных лошадей. Один из всадников быстро соскочил с лошади и стал меня обыскивать, а потом скомандовал, чтобы я шел вместе с ними. Сопротивляться было бесполезно.

Пришлось вернуться туда, откуда я только что ушел. Остановились в кустах возле дороги. Двое всадников, приказав третьему задержать меня до их возвращения, направились по дороге, ведущей в Шилово.

Темнело. Минут десять мы стояли и молчали. Потом я лег на траву и сделал вид, что заснул. Прошло еще минут двадцать. Охранник, увидев, что я сплю, отошел в сторону и сел на пенек. Под распахнувшимся на мгновение зипуном его я увидел китель с блестящими пуговицами. На ремне висел ножан.

«Белый разведчик», — быстро мелькнуло у меня в голове. — Сейчас самый удобный момент уйти. Иначе все погибло!».

'Я быстро вскочил и бросился бежать в лес. Разведчик с криками «стой» стал стрелять в меня из нагана, но под прикрытием темноты и леса мне удалось спрятаться в кустах.

Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как я спрятался, только вдруг я услышал приближающуюся брань и увидел свет ручного фонаря. Я замер. Однако кусты, в которых я прятался, были очень густы, и колчаковцы прошли, не заметив меня. Свет исчез, и уже издали я услышал голос одного из преследователей:

— Ускользнул сволочь? Ну и черт с ним. Это не то, что нам нужно.

Через несколько минут я услышал топот лошадиных копыт, удалявшихся в сторону Панфилово. Я вылез из кустов и благополучно добрался до Шилова.

На шиловской окраине меня остановила сторожевая охрана. Начальник ее допрессил меня. Я объяснил ему, что живу в батраках у Федора Некрасова, шиловского гражданина, и что ищу лошадей. Он как будто не поверил. Меня задержали. В помещении сторожевой охраны было душно. Люди молчали и подозрительно смотрели в мою сторону. Было около двух часов ночи. Сердце мое беспокойно забилось. Я думал: «Уж не попал ли я в руки белых? Может быть, я опоздал, и село взяли колчаковцы?» Стал уже раздумывать о том, как выкрутиться из новой беды; в это время дверь отворилась, и мне крикнули:

— Задержанный, выходи!

Меня повели в штаб, оказавшийся неподалеку. Какова же была моя радость, когда я увидел за столом Гавриила Семеновича Ивкина из села Зимино! С ним я встречался у Карла Михайловича Давыдова. Ивкин был уполномоченным Главного штаба зиминских партизан.

Я бросился к Гавриилу Семеновичу и рассказал, зачем я здесь. Он внимательно выслушал меня, потом крепко обнял и, поцеловав, сказал:

— Спасибо, друг.

Оборона Шилова была организована. Окружные партизанские отряды успели подтянуться к селу. Железнодорожный путь в нескольких местах был разобран, продвижение бронепоездов стало невозможным. При наступлении колчаковцы были разгромлены с большими для них потерями. Партизаны взяли много трофеев, ссобенно оружия. Через два дня со сведениями о разгроме колчаковцев я был в Стуково. Там меня ждали Саша и Мальцев, которые только что пришли из Панфилова. Нас встретил К. М. Давыдов. Мы ему рассказали все подробно. Он выслушал и тут же поручил Саше Татарникову доставить сведения о разгроме карателей барнаульским подпольщикам.

В конце ноября 1919 года в Стуково вступил передовой отряд партизанской армии Мамонтова. В нем было много местных жителей. Командовал отрядом колыванский крестьянин

Степан Пудовкин. Подпольная организация стала не нужна, мы снова стали партизанами. Наш отряд и другие подразделения вели наступление на Барнаул через Стуково, Власиху и Булыгину Заимку.

Преследуя отступающих колчаковцев, наш отряд подошел к Барнаулу со стороны бывшего монастыря. Мы действовали в составе полка «красных орлов» имени Колядо, которым командовал т. Неборак.

Вечером 8 декабря 1919 года, находясь на Булыгиной Заимке, наше командование получило приказ подготовиться к атаке на Барнаул в 7 часов утра 9-го декабря. При наступлении наши партизанские части наткнулись на большой, отменно вооруженный отряд колчаковцев, который укрепился в женском монастыре. Беляки установили на всех вышках и у стен монастыря много станковых пулеметов и мелкокалиберных пушек. С их позиции насквозь простреливались подступы к городу.

В течение 9 декабря между партизанами и колчаковцами шел ожесточенный бой. Выбить врагов из монастыря нам в этот день не удалось. Тогда наше командование решило создать несколько отдельных боевых групп из партизан, хорошо знавших территорию монастыря и подступы к нему.

Они создавались из расчета огневых укрепленных точек врага. Задачей каждой группы было добраться до стен монастыря и уничтожить определенную огневую точку колчаковцев. Большая часть начала продвижение из леса южнее монастыря. Зимняя ночь плохо укрывала действия бойцов. Приходилось маскироваться и метров до четырехсот продвигаться ползком. Движение было строго согласованным, и поэтому атака всех огневых точек противника началась одновременно и активно.

Группа, в которую входили товарищи Кочетов, Матыцын, Санников и другие, перерезала провода и нарушила связь заивших в монастыре колчаковцев с городом.

Группа товарищей Татарникова, Дорофеева, Иванова и других гранатами уничтожила пулеметную точку врага.

Товарищи Алхимов, Зимарев, Беспалов, Шатохин и другие гранатами вывели из строя две мелкокалиберные пушки. Также успешно действовали и другие боевые группы. Уничтожив огневые точки противника, мы стали штурмовать стены монастыря и, проникнув на его территорию, вступили в рукопашную схватку с врагом.

Основные партизанские части быстро сжали кольцо вокруг монастыря и с криками «ура» ворвались в него. Колчаковцы, не ожидавшие такого натиска, пришли в замешательство и, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, стали сдаваться в плен. Колчаковская засада была полностью разгромлена. Партизаны взяли большое количество трофеев: вооружение, снаряжение, продовольствие и зимнее обмундирование. Рано утром, 10 декабря 1919 года, мы первыми вошли в Барнаул.

Колчаковцы отступили дальше на восток. Отряд Пудовкина, в котором было много моих односельчан из Стукова, преследовал врага до полного его разгрома.

В начале 1920 года оставшиеся в живых партизаны вернулись в родное село. Началось мирное строительство.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Восстановление Советской власти, а с ним и начало мирного строительства началось в Стукове с создания сельского революционного комитета. В ревком, созданный в феврале 1920 года, вошли три руководителя партизанского движения: Яков Фомин, Карп Михайлович Давыдов и Иван Фаддеевич Грибенников. Председателем был избран Яков Фомин. Давыдова избрали председателем кооперации потребительского общества. По поручению ревкома многие бывшие партизаны выполняли ответственные работы. Александр Татарников руководил ликвидацией неграмотности. Меня уполномочили заниматься продовольственной разверсткой. Яков Тюрин работал по лесной разверстке. Иван Фаддеевич Грибенников и Иван Алхимов руководили пимокатами, находившимися в трудовой армии. Вообще ревком решал самые разнообразные вопросы хозяйственного и культурного строительства: обеспечивал лесом крестьян, пострадавших от пожара, вел подготовку к посевной кампании 1920 года, наладил учет сельскохозяйственного инвентаря, лошадей, отводил лучшие близкие земли малоимущим крестьянским хозяйствам, обеспечивал остронуждающихся крестьян и семьи красноармейцев семенами и т. д.

В марте на сельской сходке Яков Фомин сообщил о разверстке хлеба и других продуктов для государства. Сходка постановила: сдать все излишки хлеба государству в установленный срок. Тут же была создана комиссия из пяти человек, которая стала выявлять излишки хлеба. Надо было учесть реальные излишки хлеба, семян, фуражка, тягловой силы, инвентаря не только для продовольственной разверстки, к предстоящей посевной кампании, но и для восстановления крестьянских хозяйств, пострадавших от карателей.

Кулаки всячески препятствовали успешному восстановлению хозяйств. Они старались сорвать посевые планы, саботировали лесозаготовки. С началом белопольской интервенции в апреле 1920 года саботаж усилился. Кулаки даже пытались открыто выступить против намеченных ревкомом мероприятий по восстановлению крестьянских хозяйств, стали громогласно агитировать против продовольственной разверстки, восстанавливали крестьян против сельских коммунистов. Они надеялись, что основная крестьянская масса — середняки — будет недовольна продразверсткой и пойдет за ними. Но крестьяне, пом-

ня предательскую роль кулачества в недавних событиях, за контреволюционной группировкой не пошли, наоборот, стали ее разоблачать.

Спрятанный кулаками хлеб с помощью крестьян был найден и вывезен на ссыпные пункты. Банда Плотникова, разбойничавшая тогда в окрестностях, снова обходила Стуково стороной, потому что бывшие партизаны и сельские коммунисты организовали группу обороны.

Стройматериал крестьянам, пострадавшим от пожара, был отпущен из лесов местного значения. Многие погорельцы рубили срубы прямо в лесу. Лучшие земли, расположенные ближе к селу, были отведены маломощным крестьянским хозяйствам. Остро нуждающимся хозяйствам были выданы семена из специально созданного фонда. Крестьяне все больше убеждались в правильности проводимой ревкомом политики коммунистической партии на селе и активно поддерживали все его начинания.

Наряду с решением хозяйственных задач ревком проводил большую подготовительную работу к выборам сельского Совета, который и был избран в конце мая 1920 года. Власть на селе перешла к сельскому Совету, ревком был упразднен. Председателем сельсовета избрали Якова Фомина, заместителем его стал Иван Фаддеевич Грибенников. Кулачество стремилось протащить в Совет своих кандидатов, но их козни были разрушены, и депутатами сельского Совета стали кандидаты, выставленные населением и ревкомом. Местный орган Советской власти продолжил работу, начатую ревкомом. Особенного напряжения сил потребовала борьба с кулачеством, препятствовавшим проведению продразверстки. Понимая, что основная тяжесть хлебозаготовок ложится на зажиточные хозяйства, кулаки не гнушались никакими средствами, чтобы сохранить хлеб в своих амбарах. Они агитировали крестьянство за восстание против Советской власти, за поддержку контрреволюционного эсеро-кулацкого «сибирского крестьянского союза», который, по их словам, поддерживали все крестьяне Сибири. Но кулацкая агитация не нашла поддержки среди крестьян села Стуково, вкушивших «заботу своих защитников» во время пожара и грабежа в июле 1919 года. Многие крестьяне издевательски спрашивали кулаков: «А кто будет управлять этим крестьянским союзом, уж не те ли колчаковские офицеры, которые жгли дома, грабили и убивали?»

Хочется сослаться на слышанный мною летом 1920 года разговор. Происходил он, в основном, между братьями Чеботаревыми, которых на селе называли Васяткой и Филяткой, остальные же крестьяне только поддакивали и вставляли отдельные замечания.

Старший брат, Васятка, был зажиточным и никак не мог

согласиться с тем, что делал и что говорил Филятка. Он и начал разговор:

— Вот ты, Филятка, говоришь, что Давыдов Карпуха — умный человек. Дурачить я его не собираюсь, он на сходке говорить умеет и всегда больше всех выступает. Как чуть чего — он: «Разрешите мне, разрешите мне». Будто других людей на сходке нет. А все потому, что другие говорят не по его да не так! Он — упрямый «туляк», уж что захочет, обязательно добьется! Вот он какой ваш Карпуха.

Прошлый раз, еще до пахоты, он прямо нахально настоял на том, чтобы землю возле села дали вашему брату, бесхозяйственникам. А что они, беднота, будут тут делать на этой твердой земле? Пахать они ее, как следует, не вспашут, а разведут тут возле села сорняки, и получится, как говорят, ни себе, ни людям. Дай эту земельку мужикам справным — они бы ее и обработали, как следует, по-хозяйски! А то решили самую хорошую землю дать безлошадным да лодырям.

Раньше, бывало, на сходку-то ходили справные мужики. Они и вопросы все решали по-хозяйски. А теперь больше туда приходят бесхозяйственники да бездомники. Сидят там целыми днями и обкуривают всех табачищем, будто дома у них никаких дел нет.

Вот тогда, когда решали давать или не давать землю беднякам и маломощным хозяйствам ближе к селу, так их, этих бесхозяйственников и бездомников, была на сходке тьма тьмущая. Председатель собрания только успел сказать: «Кто за то, чтобы землю дать маломощным хозяйствам ближе к селу?» Так они сразу же все вытянули руки. А справным-то мужикам и поговорить как следует не дали, а все потому, что председатель собрания был Фомин, такой же бездомник. Только и знают везде и всюду кричат: «Это беднякам, это для бедняков!» А что они, бедняки, дают государству? Да ничего. Сидят всю зиму дома на печке и ждут, как бы что-нибудь потянуть от государства. То им дай семена, то помоги вспахать, а потом скажут: помогите хлеб убрать. Еще не хватает, чтобы каши наварить да на печку им подать. Вот потому-то они и бедняки, что ленятся работать.

Ты вот, братец, можешь по себе посудить. Что ты зимой делаешь? Да ничего. Заготовишь кормочку летом и сидишь со своей Аленушкой на печке греешься. Слезешь с печки, дашь кормочку своей Пегухе да Буренушке и опять на печку. А ведь мне и моему Захарушке приходится вместе с работниками рано утром вставать и ехать на Павловскую степь верст двадцать за сеном. Вот теперь такие, как ты, и даже совсем безлошадные, сидят у власти и правят селом. А что они могут направить, когда своего хозяйства не имеют? Самый у вас разнаибогатый Карпуха Головастый — две лошаденки, две коровенки на трех мужиков. Разве это хозяйство? Они только и знают зимой хо-

дят в школу да в ликпункты смутьянничать. Ишь придумали, грамотными хотят всех сделать. Да где же это было видно, чтобы взрослых людей учили, а кто же будет работать, ежели все станут ученые, а потом, надо прямо сказать, что грамота больше нужна мужикам справным, рассудительным, чтобы они разумно и по-хозяйски могли управлять селом. А то вон теперь Алешка Климонов научился грамоте и сидит в Совете подсчитывает, кому сколько сдать излишков хлеба государству.

Как-то до пахоты еще, нынешней весной, меня вызывают в сельсовет. И ты думаешь, кто? Да Алешка Климонов. Я только зашел, а он меня увидел и кличет: «Дядя Василий, зайди-ка сюда!» Я зашел, он развернул книгу и говорит мне: «Вот, дядя Василий, тебе надо сдать излишки хлеба государству 100 пудов пшеницы, 60 пудов овса, 20 пудов проса». Я так и ахнул. И говорю ему: «Откуда же ты знаешь, что у меня столько имеется лишнего хлебца?» А он мне опять развертывает книгу и говорит: «Вот, на основании учета комиссии, вы будете сеять 18 десятин». Подсчитал мне семена на 18 десятин, на еду до нового урожая, а остальное, говорит, сдавайте государству. Я с ним так, я с ним сяк, а он — никак. «Сдавайте,— говорит,— и все!» Закрыл книгу и вышел. Вот видишь, придумали какую-то разверстку. Не пахали, не сеяли, а хлебец им отдавай. А за что спрашивается? Так ведь и пришло сдавать. Кто он был этот Алешка? А теперь его называют товарищ Фролов. Да какой же он мне товарищ, когда ему отроду есть ли еще восемнадцать? Отец его вечно ходил с топориком по селу, плотничал, а сестры и брат все время батрачили. Хозяйства своего никакого нет, вот они и шлялись по людям. Да разве так в люди выберешься, когда не умеешь своего хозяйства завести?

Алешку, помню, как-то определяли к хорошему хозяину — Некрасову Якову — в работники, а ведь он там не захотел жить и пошел в мошенники! Все они пимокаты — мошенники. Мне этой зимой катали пимы, я дал семь фунтов хорошей осеннеей шерсти; а мне в пимы положили коровятину да юклятину. Я эти пимы зиму не проносил, развалились.

Наша теперешняя власть на селе избрана тоже почти из одних пимокатов, только Карпуха Головастый портной. Что ж они могут сделать хорошего в селе, когда не имеют своего хозяйства? Разорят справных мужиков, и будет поголовная голодовка.

Филяшка не стерпел и перебил брата:

— Вот я тебя, Васята, слушал, слушал, и ни одного ты словечка не сказал о том, как помочь батракам и беднякам, чтобы они стали жить лучше, а все ты говоришь о справных мужиках, защищаешь их. О каких таких справных речь ведешь? Уж не о тех ли, которые показывали карателям дома партизан и восставших крестьян, вроде Николая Алябьева и прочих. Конечно, если бы эти справные мужики, а как их правильно называет Давыдов, кулаки, были сейчас у власти, они

бы нашему брату, бедноте, землю ближе к селу не дали. Вспомни-ка: в прошлом и позапрошлом году была у нас тут кулацкая власть... Сами же вы тогда избрали волостным старшиной Милосердова Павла Андреевича. А кто он? По-твоему — справный хозяин. Своя пимокатная мастерская, где на него 35 человек горб гнули. Ну и что, много он о нас, бедняках, радел? Чтобы лучше нам жилось? Поэтому-то вы тогда пахали и засевали хорошую землю, а батракам и беднякам давали пашни у чертей на куличках. На кой ляд она нам та земля-то, когда до нее пешком полдня идти. И за бесценок эту земельку кулаки к рукам прибириали. А мы — опять к «славным» в работники нырмались.

Кто же, спрашивается, нас бесхозяйственниками, лодырями, как вы нас называете, сделал? Не вы ли батракам платили мало, а работать заставляли день и ночь? Теперь Советская власть помогает беднякам и батракам. Нонешной весной всем, кто в нужде, дали семена. Правда, хотя пшеницы мало, а больше все просо, так просо — тот же хлеб.

Земельку-то свою, что теперь у села, мы всю засеяли, к вам за помогой не пошли. Беднота теперь за бесценок вам землю в аренду не отдаст, сами обработаем. Вот вы и не станете говорить, что мы лодыри и бесхозяйственники. Ты еще говорил, что Алешка Климонов не захотел жить в батраках у «хорошего хозяина». А что же ему оставалось делать, когда с горба день и ночь не слезают, а как под расчет — так с гулькин нос? Ты, наверное, Васятка, помнишь, когда мы пахали вместе с Некрасовыми у Давыдова болота. Приметил, небось, что когда все Некрасовы уехали на троицу домой, Алешка-то остался на пашне пасти кулацких лошадей. Не запамятали? Так уж лучше пимокатом работать, чем батраком. Терперешняя наша власть все, что нам надо, понимает, и разговаривать нам с ней легко. А вам это, видать, и не по нутру. Оно и понятно. Для кулаков белые — самая что ни есть поглядная власть: она — им, они — ей. Помнишь, как о прошлом июле, когда пожгли наскатели, — вокруг дома Алябьева все дотла погорело, а его двор не тронули. Иль дом сам гореть не скотел. Святой, может? А еще помнишь, как гонялся в те годы Павел Милосердов, старшина ваш волостной, за Яшкой Фоминым? Прогнал из своей мастерской и хотел в тюрьму посадить. Хорошо, Фомин быстро в Зимино уехал.

А зятя милосердовского, Порфирия Поддубных, возьми. Добровольно пошел служить к белым в уланы. Почему к белым? Да потому, что кроме ему и некуда: они одни его защитники.

А теперь другой факт. Сергей Савин ни в солдаты Временного правительства, ни к Колчаку не пошел. Дезертиром стал. За ним почесть что два года гонялись да не словили. А к партизанам он без указки подался. Кто он, Савин-то? Бедняк. Ему и была одна дорога — в партизаны, за свою власть вое-

вать. А вот насчет разверстки я тебе прямо скажу, что ты, братец, о своих сыновьях больше думаешь, чем о людях, которые сейчас после войны голодуют да власть нашу защищают от нападков всякой разной буржуазии.

Если бы был у власти ваш этот «Крестьянский союз», вы бы, справные мужики, наверное, отдали бы этой власти добровольно хлеба больше, чем имеется у вас в излишках. А вот от Советской власти вы хлеб прячете, потому и берут у вас его силой.

Вы сейчас едите хлеба вволю да еще и свиней им подкармливаете. А в городах, да и на деревне люди с голода пухнут. Где же тут правда человеческая, совесть? Нет ее. Вы, справные, за кусок хлеба с бедняков и батраков готовы три шкуры содрать и глазом не моргнете, а потом, для успокоения своей совести, пойдете в церковь грехи замаливать. Поставите какому-нибудь угоднику за пятак свечку. На этом и дело кончается.

Из этого разговора видно, как воспринимали политику партии на селе отдельные слои крестьянства. Ясно, что истинная борьба только начиналась. Окрыленные поддержкой рабочего класса, партии и Советской власти, крестьяне-бедняки впервые в истории человечества распрямились и высоко подняли голову. Но кулаки, конечно, не собирались уходить без боя. Они использовали все средства, чтобы помешать строить новую жизнь. Чтобы продлить свое существование, они хватались то за «Крестьянский сибирский союз», то за интервенцию, а то просто за отдельные вывихи и недостатки в работе местных Советов.

Средствами они не гнушались. От прямого террора, как это было в случае с Карлом Михайловичем Давыдовым, которого кулаки утопили в колодце, до подлого шантажа и компрометации советских работников — весь многообразный арсенал использовал агонизирующий класс.

В сентябре 1920 года председатель сельсовета Фомин заболел. За него остался заместитель И. Ф. Грибенников, который иногда очень злоупотреблял выпивкой. Кулаки воспользовались этой его слабостью. Грибенников стал часто посещать организованный кулаками в доме Маши Грязной (так ее называли на селе) притон. Вместе с некоторыми членами сельсовета ночью он пьянировал, а днем отсыпался. Работа по проразверстке тормозилась, хлеб на ссыпные пункты поступал из села Стуково плохо, а кулаки почти совсем прекратили хлебосыччу. Вместе с тем они усиленно распространяли по селу слух, что руководители сельской власти пропиваются проразверстку.

Мы сообщили о поведении Грибенникова вышестоящим органам власти. Вскоре в Стуково прибыл губпродкомиссар т. Кольно, он собрал всех членов сельсовета во главе с Грибенниковым и установил для села сроки сдачи хлеба по разверстке. Тут же предупредил всех об ответственности за невыполнение.

Но Грибенников настолько втянулся в пьянку, что едва Кольно уехал из села, забыл его предупреждение и снова по-

шел в притон. Там его вместе с сопутыльниками и арестовали: бойцы продотряда, который пришел в Стуково, едва стало ясно, что план хлебосдачи сорван.

На допросе выяснилось, что притон организовали сельские кулаки. Грибенников, как пособник кулачества по саботажу сдачи хлеба государству, был предан суду ревтрибунала и получил год тюремы. Обязанности председателя сельсовета временно были возложены на Н. Е. Ширяева. Обстановка разрядилась, и хлебосдача наладилась. Но время было упущено, хлеб у кулачества куда-то утек, и поэтому продразверстка по нашему селу не была полностью выполнена.

Воспоминания о годах военного коммунизма будут неполными, если не упомянуть о том, как проводилась в селе массово-разъяснительная работа и работа по ликвидации безграмотности. И то и другое в то далекое и трудное для нашей страны время играло очень важную роль. Оно и понятно. Молодая Советская республика получила в наследство от царизма и империалистической войны разруху, голод, нищету. Едва рабочие и крестьяне успели взять власть в свои руки, как республика подверглась интервенции. «Все для фронта, все для обороны страны!» Таков был лозунг тех дней. Нужна была железная дисциплина, а в первую очередь нужен был хлеб. Появилось новое слово: «Продразверстка». На нас, бывших красных партизан, легла ответственная задача: разъяснить крестьянам всю важность закона о продразверстке, повести основную массу крестьянства за Советской властью; не дать возможности кулацко-эсеровским организациям, вроде «Сибирского крестьянского союза», воспользовавшись трудностями молодой Советской республики, обмануть сельских жителей.

В то время руководители села сами были недостаточно грамотны и на многие вопросы не находили ответа. Но там, где не хватало знаний, помогало классовое чутье. И это чутье труженика-крестьянина часто выручало, выводило на правильную позицию.

Помню, как-то приходит в ревком Андрей Голобурдин и заявляет, что Василий Иванович Князев собрал у себя дома часть мужиков и рассказывает им о каком-то «Сибирском крестьянском союзе», о том, что хлеб по продразверстке якобы не поступает рабочим нашей страны, а идет за границу немцам, поэтому крестьяне села Стуково не должны сдавать хлеб коммунистам.

Председатель ревкома Яков Фомин, чувствуя недобро, срочно вызвал участников сходки в ревком, где выяснилась настоящая цель собрания. Кулаки Князев и другие требовали, чтобы крестьяне поддержали «Сибирский крестьянский союз», не сдавали хлеба по продразверстке, а главное — не препятствовали бы занятию села бандой Плотникова, которую кулаки

именовали «Армией по защите интересов крестьян». На следующий день ревком созвал общее собрание всех граждан села Стуково, на котором был разоблачен «Сибирский крестьянский союз» и показано истинное лицо атамана Плотникова и цель его банды. Кулакский заговор был ликвидирован, и восстание предотвращено. На общем собрании было решено: в установленный срок все продовольственные излишки сдать государству. Часть кулаков подчинилась законам Советской власти и сдала излишки продовольствия государству, а к той части, которая устраивала саботаж, были применены репрессивные меры.

Нам приходилось вести разъяснительную работу с населением и по целому ряду других вопросов. Например, почему была введена всеобщая трудовая повинность в стране; почему были созданы ревкомы, а не выборные Советы; почему назначались комиссары вместо выборных руководителей; почему была введена трудовая повинность по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива; что такое трудармии и почему они были созданы на Урале, Сибири и на Украине. Гражданская война была еще далеко не закончена, а наша партийная ячейка и сельский Совет, наряду с важнейшими, решали вопросы о ликвидации неграмотности на селе. Ведь в Стукове грамотных мужчин было всего 15, женщин лишь пять процентов. Новое дело — борьба за всеобщую грамотность — рождалось с большими трудностями. У нас не было ни буквей, ни тетрадей, ни карандашей. Не говоря об учителях, на селе не хватало просто достаточно грамотных людей, чтобы вести занятия по ликвидации неграмотности. Один наш сельский учитель как назло, оказался сторонником эсеровской партии и наотрез воспротивился заниматься с неграмотными. Однако, несмотря на все это, работа по ликвидации неграмотности началась.

Сельсовет срочно направил на двухмесячные курсы в Барнаул трех человек: Федота Дроздова, Ивана Натарова, Ивана Зотова, которые имели двухклассное образование. А Саша Татарников, как имеющий среднее образование, был направлен на шестимесячные курсы красных учителей. Таким образом, проблема учительских кадров была решена. Саше Татарникову пришлось заменить учителя-эсера в сельской школе. Карандаши привезли из Барнаула, а вместо тетрадей использовали архивную и бланковую бумагу.

В то время мы не задумывались о величине или незначительности наших дел. Для нас все, что мы делали, было обычной, повседневной работой. И только сейчас, оглядываясь назад, я думаю о том, что нашему поколению выпало большое счастье — ведь мы жили и работали в то время, когда создавалось первое в мире пролетарское государство, — нам пришлось с оружием в руках стоять у его колыбели. Вспоминаешь прошлое, и сердце наполняется радостью и гордостью от сознания того, что в этом великом деле есть и твоя маленькая доля.